

Шэнь Момо в самых разных ситуациях не раз била себя в грудь, утверждая: Я больше ни капли в рот не возьму!

Доверие к этим словам было крайне низким. Во-первых, из-за их пугающей повторяемости, а во-вторых — потому что она с точно таким же выражением лица и нескрываемым пафосом уже бесчисленное количество раз клялась редактору Лю (великому редактору, милосердной, но строгой женщине! — как называла её сама Шэнь Момо): Не волнуйся! Обещаю! В следующий раз я точно не пропущу дедлайн!

А потом, незадолго до сдачи очередного заказа, она всё так же рыдала в трубку: Лю-цзе-е-е, умоляю, дай мне ещё немного времени, ну пожалуйста...

К счастью, редактор Лю была женщиной лет тридцати, носившей винтажные очки в леопардовой оправе, и, согласно стереотипам, на такие уловки она не покупалась. Она лишь поправляла очки и сухо произносила: Шэнь Момо. Шэнь Момо замирала в ожидании продолжения, но та обычно замолкала. В наступившей неловкой тишине Шэнь Момо, как правило, первой сдавалась и тихонько бормотала: Тогда я постараюсь поднажать...

А в стереотипный образ редактора Лю также входило наличие острого языка при добром сердце, поэтому она вздыхала: Максимум два дня.

И тогда в трубке раздавался внезапно оживший, радостный голос Шэнь Момо: Ура!

Так что низкая достоверность слов Шэнь Момо, по сути, была «заслугой» всеобщего снисхождения окружающих. Её близкая подруга Су Синь часто отчитывала её по этому поводу:

— Мы не должны постоянно ей потакать! Нужно уметь отказывать, нужно воспитывать!

Лянь Цисин, державшая бутылку на весу, неловко замерла:

— А мне что делать?

Шэнь Момо, развалившись на коленях у Су Синь, начала хныкать: Хочу ещё! Ещё хочу!

Су Синь махнула рукой: Налей ей последнюю чашку.

Сказано — сделано. Но почему мне кажется, что именно ты больше всех балуешь Шэнь Момо? — не удержалась и шёпотом спросила Лянь Цисин. Впрочем, неудивительно, Шэнь Момо с первого взгляда было ясно — не боец она на алкогольном поприще. Су Синь, услышав это, рассмеялась. Когда-то она была старшекурсницей Шэнь Момо в университете, а теперь их связывали рабочие отношения, поэтому, где бы ни появилась Шэнь Момо, рядом всегда была Су Синь, готовая разгильячить любые неприятности.

Честно говоря — хотя этого вслух произносить не стоило, — Лянь Цисин всякий раз с трудом сдерживала смех, вспоминая, как Шэнь Момо, покраснев, открыла ей однажды правду о себе. Она действительно всегда выглядела как человек андрогинной внешности, да и имя часто вводило людей в заблуждение, но всё это было лишь потому, что с детства росла под гнётом ошибочных ожиданий своей семьи.

Лянь Цисин до сих пор испытывала лёгкое удивление. Она познакомилась с Шэнь Момо по работе: в то время она писала статьи для журналов, в основном детскую литературу, а Шэнь Момо отвечала за иллюстрации.

— Просто я всё это время думала, что ты мальчик.

Лянь Цисин с дрожью в руках долила вина в опустевшую чашку Шэнь Момо. Сегодня она впервые сама организовала вечеринку, поэтому сильно нервничала. До этого момента её общение с кругом Шэнь Момо было поверхностным, и как бы она ни старалась, ей никак не удавалось влиться в их компанию.

И именно поэтому — так считала Лянь Цисин — раз Шэнь Момо приняла её, она наконец-то стала частью этого круга.

Шэнь Момо отличалась от всех предыдущих соавторов Лянь Цисин. Она знала, что многие иллюстраторы вообще не читают тексты, а творят лишь на основе заголовков; более добросовестные прочитывали рассказ перед тем, как взяться за кисть. Лянь Цисин чувствовала разницу.

— Лянь-лаоши, у тебя, у тебя здесь такое — такое вкусное вино!

— Не нервничай так, выпей немного, расслабься.

Возможно, искать себя уже поздно, но именно поэтому стоит стараться вдвойне. Впервые попав в чисто женскую компанию, Лянь Цисин взяла на себя всё: и место, и еду, и выпивку — она знала, что без алкоголя эта группа веселиться не умеет.

Лянь Цисин, почувствовав укол совести от одной этой мысли, вздрогнула и поспешила перевести тему, обеспокоенно добавив:

— Тогда кто-то должен будет проводить её домой.

Не успела она договорить, как несколько человек подняли руки, предлагая свою помощь, однако среди них не было Су Синь:

— У меня слишком далеко, но насчёт этого можешь не переживать.

— Она... она всегда так легко пьянеет?

Лянь Цисин растерянно смотрела, как Су Синь, словно успокаивая, погладила Шэнь Момо по плечу:

— Сначала она просто жадная до всего нового, хочет распробовать вкус, но стоит попробовать — и уже не остановиться. Просто запомни: в следующий раз тайком разбавляй ей вино водой.

Ладно, значит, она сама накрутила себя.

Лянь Цисин не переставала ворчать про себя. Хотя Су Синь так легко об этом говорила, сама она не чувствовала себя настолько расслабленно, чтобы шутить в ответ — может, когда-нибудь потом это станет возможным, она очень надеялась, что такой день настанет. Пока же, ради осторожности, приходилось играть роль человека, у которого мысли расходятся с делом.

Су Синь вовремя забрала чашку из рук Шэнь Момо — та уже едва могла её держать — и залпом выпила содержимое. Слизав остатки напитка с красных губ, она сказала:

— Если она попросит ещё, не обращай на неё внимания. Она всегда так себя ведёт, когда хмелеет, тебе стоит к этому привыкнуть.

И как ты только ко всему этому привыкла?

Знаменитый Дьявол с улыбкой рядом с Шэнь Момо выглядел как заботливая мамочка.

Шэнь Момо, лежавшая рядом, показала ей большой палец. Лянь Цисин лишь беспомощно вздохнула, а друзья вокруг прыснули со смеху — им явно нравилось наблюдать за пьяными выходками Шэнь Момо. И правда, стоило полутораметровой Шэнь Момо опьянеть, как она становилась похожа на пушистого детёныша пингвина, который вечно ищет неприятностей: то начинала путаться в ногах, то внезапно прилипала к кому-нибудь, едва не падая. Впрочем, даже если она «приклеивалась» к кому-то, как репейник, её тут же забирала Су Синь. Шэнь Момо в этой компании была чем-то вроде талисмана, поэтому её все любили.

Но Шэнь Момо была не только такой. Хотя работала она медленно, читала она очень внимательно, вгрызаясь в каждую деталь, и в итоге даже через редактора раздобыла контакты Лянь Цисин, так они и подружились.

Лянь Цисин до сих пор помнила беспомощный тон своего строгого редактора Лю, когда та позвонила ей: Добавь её в Вичате, у неё просто слишком много вопросов.

Слишком дотошный соавтор — она вызывала одновременно восхищение и лёгкое раздражение. Лянь Цисин не ожидала, что Шэнь Момо займёт именно такую роль в её жизни.

— Ещё одну!

Шэнь Момо снова подняла руку, как ученица детского сада, желающая ответить на вопрос. Лянь Цисин заколебалась, но Су Синь просто забрала чашку и налила туда обычной кипячёной воды.

— Спасибо, Сяо Су, спасибо, спасибо.

Шэнь Момо, обхватив чашку, сказала это с такой искренностью, что Лянь Цисин лишь дёрнула уголком рта. Она подумала: только Шэнь Момо и посмеет так называть Су Синь. Хотя Су Синь была старшекурсницей Шэнь Момо, Лянь Цисин знала её гораздо дольше. Семья Лянь занималась издательским делом, поэтому у них были общие дела, и, когда однажды она увидела, как Су Синь — известная в индустрии своей неуступчивостью — за руку ведет к ней Шэнь Момо, она была в полном шоке.

Лянь Цисин: А, госпожа Су, полицейский участок в той стороне...

Су Синь закатила глаза: Чушь не мели, это Шэнь Момо, а не потерявшийся ребёнок.

Лянь Цисин была ещё больше сбита с толку: Какая ещё Шэнь Момо?

Шэнь Момо, прячась за спиной Су Синь, прошептала: Та самая, что рисует для тебя и исправляет опечатки в текстах.

Это была их первая официальная встреча. Хотя вышло неловко, Лянь Цисин была рада, что эта история стала одной из тех шуток, над которыми они часто смеялись.

— Кстати, что там с рукописями, которые должны были сдать в конце июня? Смотрю, у тебя полно свободного времени.

Не зря её зовут Су Синь, даже выпивая, умудряется говорить о работе.

Лянь Цисин вжала голову в плечи, её взгляд забегал. Пока она лихорадочно придумывала отговорку, Шэнь Момо внезапно пришла ей на помощь:

— Уже конец июня?

Голос Шэнь Момо, охрипший от выпитого, звучал низко и печально, её невозможно было игнорировать. Су Синь повернулась к ней: Ещё рано, сегодня двадцать седьмое. Только не говори мне, что ты опять сорвала дедлайн.

— О, сегодня семнадцатое.

Шэнь Момо повторила эту фразу. Су Синь нахмурилась, словно что-то вспомнив, и Лянь Цисин показалось, что она побледнела.

— Шэнь Момо, может, мне тебя отвезти...

Су Синь, которая совсем недавно говорила, что ей слишком далеко ехать, вдруг предложила это. Лянь Цисин нашла это странным, а Шэнь Момо, подняв чашку, весело воскликнула:

— Ещё одну!

Лянь Цисин замерла: чашка с кипячёной водой, оказывается, была уже пуста.

— Ох, чёрт, как же я забыла.

Су Синь что-то пробормотала себе под нос, а Лянь Цисин машинально налила Шэнь Момо ещё вина — на этот раз настоящего — и лишь теперь запоздало осознала, что натворила. Но было уже поздно.

Лучше не говорить Су Синь, что она, слишком нервничая, забыла разбавить вино водой.

Спустя несколько часов Шэнь Момо проснулась у себя дома. Она сладко зевнула, мечтая поспать ещё немного. Одно из главных преимуществ фриланса — не нужно вставать ни свет ни заря, но, прежде чем снова провалиться в сон, она машинально взглянула на экран телефона. Экран ярко вспыхнул, Шэнь Момо зажмурилась от резкого света и почувствовала, как сильно отекли веки.

Привыкая к свету, она вспомнила, что вчера много пила. Странно, ведь Су Синь была рядом, как она могла так напиться? Наверное, вино, которое принесла Лянь Цисин, было слишком крепким, хотя и вкусным, особенно та чашка, что налила потом Су Синь — надо будет спросить, что это за бренд.

Но когда она взглядела в экран, все мысли разом улетучились: на дисплее красовалось 27 пропущенных вызовов от Богини №7.

Шэнь Момо начала лихорадочно перебирать в памяти, кто такая Богиня №7 — а «лихорадочно» для Шэнь Момо означало около десяти минут раздумий. Спустя десять минут она так и не вспомнила, кто это. В пьяном виде она могла натворить что угодно, но была уверена, что этот человек наверняка заботился о ней в обычной жизни.

Шэнь Момо привыкла называть людей старше себя «сестрами», а в студенческие годы — «старшекурсницами». Эта привычка пошла от одной её беспечной старшей подруги из старшей школы. После двадцати Шэнь Момо познакомилась со многими людьми, которые были к ней добры, и она отвечала им взаимностью. Раз этот человек позвонил ей 27 раз, значит, он очень за неё переживал!

Чувствуя вину и тревогу, она поспешила перезвонить — трубку взяли после первого же гудка. Шэнь Момо взглянула на время: около семи утра.

Она подумала: у этого человека, похоже, очень здоровый режим дня.

— Я, я... сестренка, я вчера ничего плохого не сделала?

Слово «сестренка» вылетело само собой. Она даже не успела проверить, кому звонит — кто в наше время помнит номера наизусть?

Она запинаясь, задавая этот вопрос, и беспокойство в её сердце было искренним. В любом случае, она наверняка опозорилась и доставила кому-то хлопот, ей было очень неловко.

На том конце провода долго молчали, не было слышно даже дыхания. Шэнь Момо занервничала ещё сильнее, проверила, действительно ли идет вызов, и вдруг усомнилась, тот ли это человек.

Когда она снова прижала телефон к уху, то услышала голос, который, как она думала, больше никогда в жизни не услышит. Тон был холодным, лишенным эмоций, но она отчётливо услышала, как та едва заметно усмехнулась: Шэнь Момо, оказывается, ты уже начала называть других сестренками.

Эта фраза в одно мгновение вызвала в памяти Шэнь Момо тысячи воспоминаний. Образы были размытыми, но от них невыносимо болело сердце. Это была их первая встреча в сумерках, как будто муза сошла на землю; это была рука, крепко сжатая под дождем; это была фраза: Шэнь Момо, попробуй полюбить меня; это были попытки сблизиться и бесконечные качели; это были признание и поцелуй под падающими звёздами, и тот самый день, двадцать седьмое июня, когда под палящим солнцем она так и не дождалась того, кто должен был прийти.

Того, кто не смог выбрать её.

Шэнь Момо поджала губы, глубоко вдохнула, прикусила нижнюю губу и быстро выпалила:

— Кто это? Отбой, в черном списке, не перезванивай.

Сбросив вызов, заблокировав номер и отбросив телефон, Шэнь Момо уткнулась лицом в подушку и закричала. Затем она отправила голосовое сообщение в общий чат: Кто — кто вчера

звонил Дуань Жоси с моего телефона?

Очевидно, хмель ещё не до конца выветрился, и она, помутившись рассудком, произнесла это имя вслух. Впрочем, Шэнь Момо быстро осознала свою ошибку и тут же удалила сообщение, надеясь, что друзья в этот ранний час ещё спят. Затем, что-то вспомнив, она открыла галерею и увидела десятисекундное видео.

Она подумала: только не это, пожалуйста, не это. Дрожащими пальцами она открыла файл и увидела саму себя, поднимающую чашку среди компании пьяных друзей. Оператор держал камеру довольно уверенно — Шэнь Момо догадалась, что это была Су Синь с её вечно невозмутимым лицом.

— Ура-а-а! Тогда поздравьте меня с успешным воссоединением!

На видео Шэнь Момо лучезарно улыбалась, а реальная Шэнь Момо в этот момент хотела ударить себя по лицу.

В чате кто-то ответил вопросительным знаком. Шэнь Момо, лихорадочно удаляя сообщение, строчила вдогонку:

— Ой, всё, забудьте.

Она подумала, что в наше время всё-таки есть люди, способные помнить номера телефонов, и этим человеком была она сама — пьяная она вчерашней ночью. Она помнила ту дату, поэтому набрала номер и даже сохранила контакт.

Настоящее имя той Богини №7 было Дуань Жоси, и в её личности не было ничего особенного. Если уж нужно было дать определение, то, пожалуй, «бывшая девушка» подошло бы лучше всего.

Шэнь Момо мучительно зажмурилась и искренне, всей душой подумала: Я больше никогда не буду пить.

Доверие к этим словам было относительно высоким. Пожалуй.

<http://bllate.org/book/22084/2296526>